

АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА

Часть 5. Подсказки интуиции

ВИКТОР ДЕРЖАВИН

18+

Виктор Державин
Агентурная разведка. Часть
5. Подсказки интуиции
Серия «Агентурная разведка», книга 5

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68816379
SelfPub; 2023*

Аннотация

Продолжение истории о службе во внешней военной стратегической разведке. О том, как вместе с опытом к разведчику-нелегалу приходит на помощь «шестое чувство» – интуиция. Насколько оно важно? Нужно ли к нему прислушиваться? Вы сами сделаете выводы о том, есть ли во внешней военной разведке «криворукие», «дубиноголовые», «пофигисты» и лентяи. А если они всё-таки есть и как-то сумели во внешнюю разведку затесаться, то к чему всё это приводит или может привести? Перед вами очередной текст – пример импрессионизма в литературе, где всё сжато и по делу (на мой взгляд). Представители этого направления в литературе стремились использовать методы и приёмы, которые позволяли им наиболее естественно и живо запечатлеть реальный мир в его подвижности и изменчивости, передать свои реалистические впечатления на тот момент. Поэтому вы не найдете здесь описаний природы, погоды и прочих прелестей, если это не

нужно по делу. И тем не менее это художественная литература, основанная на реальных событиях

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Виктор Державин

Агентурная разведка. Часть 5. Подсказки интуиции

Предисловие

Нередко в ситуациях, когда человек не уверен, как правильно поступить, ему советуют прислушиваться к тому, что говорит сердце, а не разум. По определению внутренний голос – это нечто непонятное, то, чего не должно быть в принципе.

На вопрос, существует ли в природе интуиция, можно однозначно ответить: да. К сожалению, не каждый из нас понимает, когда она подаёт сигналы о действии или бездействии. Чтобы правильно воспользоваться этим даром, его стоит развивать. Но в первую очередь важно понимать, что собой представляет интуиция.

Наверняка в какой-то момент вы понимали, что что-то пошло не так, как нужно. У вас появлялось желание отбросить все правила и пойти по совсем другому пути? Возможно, у вас возникало ощущение опасности или непонятное внутреннее беспокойство? Именно это чувство и есть инту-

иция.

Интуиция – это работа подсознания, необъяснимое логикой чувство. Не все процессы, происходящие в нашем мозге, можно объяснить логическим путём, не всё можно осознать. Шестым чувством называют знание, которое уже есть где-то в закромах нашей памяти, но человек не может выразить его рационально.

Если заглянуть в толковый словарь Ожегова, то можно найти такое определение: «Интуиция – это чутьё, тонкое понимание, проникновение в самую суть чего-либо».

Если объяснять простыми словами, то интуиция – это то, чего мы знать не можем, но откуда-то всё-таки знаем.

Мой опыт службы в нелегальной стратегической военной разведке говорит, что интуиция – незаменимое для разведчика чувство. И те, у кого это чувство хорошо развито, непременно добиваются успеха.

Глава 1

Вернувшись в Бостон, мы приступили к своим делам.

Ричард, оказывается, очень ждал меня и не осмелился потревожить в отпуске, несмотря на то что обычно он на такие мелочи не обращает внимания. Сказал, что почувствовал недостаток организации по всем направлениям. То есть косвенно высоко оценил мои организаторские способности, подчеркнул мою нужность, возможно, даже незаменимость.

Тем временем в мыслях я кружил вокруг портфеля Ричарда. У меня уже родился замысел. Я передал Крупину фотографию замка на портфеле. Тот пообещал в скором времени прислать инструкцию по вскрытию таких примитивных замочков.

Майк подготовил очень большой материал, встретил меня радушно, приветливо. По моим наблюдениям, у него сложилось впечатление, что я могу решить любую проблему или устроить её кому угодно, не оглядываясь на закон. Я понимал, что он считает меня ценным приятелем, полезным партнёром, и не хотел его разочаровывать.

Нино доложила об огромных успехах в балетной школе и о том, что Ричард материально помог ей. Он поступил очень по-доброму и не стал ставить никаких условий. Нино интеллигентно дала мне понять, что у них уже близкие отношения.

Рано или поздно это должно было произойти. Я не против. Это её личное дело.

Люда доложила, что сенатор несколько раз встречался с Джимми. Один раз они встречались в кабинете сенатора. Уточнила, что при этом было много выпито, а Джимми с Полом выходили из офиса сильно пьяные и в обнимку. Выводы можно сделать, но надо всё-таки как-то проверить. Также Люда сообщила, что Джимми уже уехал в Европу и сам не знает, когда вернётся.

Сенатор встретил меня с радостью, сильно благодарил за оказанную в России услугу. Я ещё не знал, что его просьба выполнена в лучшем виде. Теперь у него в долгу оказался очень нужный для него человек. Пол вошёл в одну из важных сенатских комиссий, связанных с тратами по линии Государственного департамента и разных некоммерческих организаций, поэтому пообещал порадовать меня в следующем месяце. Намекнул, что исполнит и ранее обещанное, что было для меня очень и очень важно. Куда важнее, чем дела этого Госдепа.

Но самая искренняя радость была у моих работяг. Они ждали меня и очень добродушно встретили. Рассказывали о разных производственных проблемах, о непонятливых менеджерах, шутили. Они видели во мне защиту и ждали помощи. Этим людям я помогу в первую очередь, ещё и Ричарду доложу. Попиарюсь заодно – тоже нужно. Это обязательно! Как говорили в мои времена, показуху в нашей армии ни-

кто не отменял. Генеральный менеджер как-то совсем упорно не хочет общаться с работягами и слушать их. Ну и дура. Значит, поделом. Ресурс с работягами у меня эксклюзивный и вообще не задействованный. Посмотрим. Есть кое-какие идеи.

Вся моя сеть в сборе, на месте, жива, здорова и готова к выполнению задач.

Прежние задачи в силе, включая этот самый компромат на политиков. Кроме прочего, Крупин просил меня поискать людей из Комитета начальников штабов (в идеале) – это американский аналог нашего Генштаба. Тоже нереальная задача. Я не общаюсь с американскими военными. По этой задаче я готов думать и работать. Очень постараюсь.

Да, ещё добавилась новая задача под названием «Китайцы». Как её решать? Пока вообще непонятно. Но готов. Присмотримся, подумаем. Крупин на связи, с ним как-то спокойнее. Надо только привести всё в соответствие новым требованиям.

Жаль, что нечаянно подставил Громова и Коваленко. После того как начальник управления переподчинил меня себе и вник в организацию дела, им не поздоровится. Я так понял, что в ГРУ такое раздолбайство не прощается. Уловил, что после США – самой важной, крутой и большой резидентуры – Коваленко в перспективе мог получить генеральскую должность в ГРУ, но теперь, видимо, ничего у него не выйдет. Предупредить его? Нет смысла. Теперь это ему уже не

поможет. Всё его разгильдяйство и желание отличиться любой ценой выплыло наружу.

Слова генерала Крупина о том, что я теперь на полковничьей должности, да ещё и с двадцать четвёртым тарифным разрядом, то есть нахожусь в полном соответствии с должностью командира полка, не прошли мимо моих ушей. Очевидно, что это давление на мою совесть, на моё чувство долга, мою порядочность и ответственность. Что ж, надо отметить, что он правильно понял, на что нужно давить в моём случае.

Вот и пример, как в классике должно работать ГРУ. Никаких «конфет» или запугивания. Всё очень интеллигентно. Совесть! Крупин меня изучил и точно отработал, причём неназойливо, как бы между прочим, без всяких там политзанятий. Ничего не мудрил и не хитрил, но мне в душу это сильно запало. Крупин – красавчик! Постараюсь оправдать оказанное доверие. Там мужики, командиры полков, падут днём и ночью до седых волос и инфарктов, а я тут чем занимаюсь? Крупин считает, что я добываю очень ценную информацию высокого уровня. Ждёт от меня продолжения. Постараюсь.

По приезде решил один чисто бытовой семейный вопрос, на первый взгляд, несущественный. Теперь каждый вечер мы смотрим новости российских телеканалов. Так же, как наши родители смотрели программу «Время». Разве мы могли себе такое представить в 80-е годы?! С удовольствием,

не таясь, смотрим на русском языке. Оказалось, что Вильте и раньше их смотрела, но украдкой, при этом демонстрируя полное отсутствие интереса, а иной раз и враждебное отношение. Этот театр теперь закончился, и у нас появились новые темы для обсуждения. Интересные темы и даже споры, тоже очень интересные.

Глава 2

После встречи с нашим руководством у нас с Вильте возникло острое желание и необходимость всё как следует обсудить.

Больше всего меня интересовали мотивы, которые вынудили Вильте поступить на службу в КГБ. В её рассказе почти всё совпало с тем, что мне говорил Крупин. Однако и кое-какие детали прояснились. В частности, я узнал, что Вильте стала сержантом КГБ уже на третьем курсе.

– Понимаешь, я очень хотела вырваться от родителей, особенно от мамы. Хотела уехать подальше. Она меня просто доставала.

– Чем конкретно?

– Всем! Абсолютно всем! Не дай бог мне прийти домой позже девяти вечера! Они всегда смотрели эту мерзкую программу «Время» и меня заставляли. Представляешь?

– Представляю. Мои тоже пытались. И упрекали, что у меня в голове одни джинсы и магнитофоны.

– Мама меня доставала всем! Особенно это касалось одежды. Она мне всегда говорила, что надо быть скромной в одежде, аскетичной, но идеально чистой и аккуратной. Эта мерзкая монашеская советская школьная форма с накрахмаленными мамой воротничками! Но этого ей было мало,

и она допекала меня этой церковью, молитвами. Доставали эти походы в костёл.

– А отец?

– Отец ходить в костёл опасался, он же был членом КПСС. Помалкивал. Он полностью отдал на откуп матери моё воспитание. А у неё что? Еда только такая или такая, потому что это полезно или потому что церковные праздники, пост. В общем, повторяюсь, достали они меня тогда. Просто сил уже не было. Но родители не возражали против того, чтобы я уехала учиться в Питер. Образование они уважали! Это святое. Поэтому идею поступления в Ленинградский институт точной механики и оптики, сокращённо его ЛИТМО называли, восприняли с огромным уважением. Поехала, поступила легко, нормально. Место в общежитии сразу выделили. Тоже нормально. Там девчонки. Все небогатые и из разных уголков страны. Отличные девчонки! Всё ровно. Потом начались занятия. И тут уже другое. Местные питерские девочки одеваются очень модно, среди них есть и родственницы коммунистического начальства разного сорта. На их фоне я смотрелась как монашка. Одеться хочется, а где купишь? Только у фарцовщиков. А какие там цены были?

– Родители у тебя вроде бы не жмоты.

– Не жмоты, но считали, что к моей стипендии в сорок пять рублей вполне достаточно дать ещё тридцать ежемесячно. Чтобы соблазнов разных не было. Я смотрю на девчонок, и мне всё хочется: и косметику импортную, и духи разные, и

кофточка-батничка всякие, и туфли на шпильке, и сапожки, и дублёнку, и джинсы, и много чего ещё. Что делать?

– Не знаю.

– Я нашла выход. Был у меня парень один знакомый. Так, ни о чём. Но очень хотел мне понравиться. Как-то проговорился, что он фарцовщик, и сказал, что в месяц по пятьсот-семьсот рублей зарабатывает. Говорит, ничего сложного и неопасно. Я мигом загорелась. Он пообещал помочь. А что? Занятия прогуливать не надо. Едешь в выходные на рынок и осторожно предлагаешь товар прохожим. Поначалу нормально всё было. Он мне в долг дал на реализацию две коробки австрийских зимних женских сапог на каблуке. Боялась первый раз очень сильно. Я же запуганная была и жутко дисциплинированная. Ничего, пересилила себя. За два часа продала эти сапоги. Вернулась к парню этому, отдала деньги, навар оставила себе, а это сто шестьдесят рублей. Он предлагает купить у него на продажу джинсы «Вилдкэт» мужские за сто восемьдесят рублей. Продала за двести сорок. Отлично! Вкладываю в товар теперь уже свои двести двадцать рублей. И так пошло-поехало.

– А этот парень не пытался к тебе приставать?

– Как не пытался? Пытался, конечно. Но я его за нос водила. Ля-ля-тра-ля-ля. Завтра, послезавтра, потом как-нибудь. Говорю ему: ты сначала подстригись и мышцы подкачай, хихи, ха-ха. Я не поняла, что он обозлился, а он сдал меня. То есть у них там была своя крыша ментовская, и он меня им

сдал. Сказал, что я не по правилам играю, самостоятельной сильно стала. В общем, менты купили у меня товар и вместе с ним привезли в отделение. Там начали беседовать очень доброжелательно. Между тем сообщают, что составят протокол и отправят его в мой институт. Не переживай, всё будет нормально! Просто там с тобой проведут работу в комитете комсомола, декану тоже можно всё объяснить, он же у вас там не зверь наверняка. А я уже вою в голос. Как представляю, что меня отчислят, из комсомола исключат и что я вернусь к родителям... Кошмар! Только не это!

– Интересно.

– Вспомнил детство и юность?

– Вспомнил! Ещё как. Тоже есть что рассказать.

– Ну вот. Начинают менты уже что-то там писать, вопросы формальные задают. Типа им всё равно, что я отвечу. У меня уже полное отчаяние. При этом начинают вести себя более жёстко. Позже уже откровенное хамство начало проскакивать. Я отказываюсь, врать пытаюсь, в ответ пошёл отборный мат. А я-то девочка очень воспитанная, культурная, в моей среде вообще такие слова никто не произносит. Но продолжаю отнекиваться. Они злятся и уже откровенно говорят, что сейчас меня просто по очереди трахнут, по кругу пустят. Я в полной прострации. Полный паралич воли. И тут заходит один мужик в расстёгнутой хорошей дублёнке, под ней серый костюмчик. Очень интеллигентный мужик с виду, в очках. Спрашивает их, почему девушка так сильно

рыдает. Менты ему отвечают, что задержали за фарцовку, а она боится и истерит. Мужик молча посмотрел на меня. А я ему давай жаловаться сквозь слёзы, что они угрожали меня изнасиловать с извращениями. Мужик меня выслушал и спрашивает, кому он должен верить – фарцовщице или сотрудникам милиции?

– Вижу, ты мне рассказываешь и до сих пор переживаешь.

– Есть такое. Так вот, задаёт мне этот мужик чёткий вопрос, спрашивает о том, спекулировала я или нет. Я оценила обстановку и сказала правду. Мужик смотрит на ментов и говорит, что, выходит, я спекулянтка и лгунья. А что возразишь? Потом спрашивает у ментов разрешение забрать меня на время, чтобы побеседовать. Отвёл в отдельный кабинет. Там поспрашивал, поговорили. О разном говорили. Не верил мне, что я люблю свою страну. Пришлось с цифрами доказывать, что СССР построил в республиках Прибалтики передовую промышленность, науку и вообще много чего. Некоторые цифры я помнила и действительно верила тому, что говорила. Тот же Хрущёв и Брежнев столько сделали для Прибалтики! Кстати, я и сейчас так же думаю, поэтому совсем не радуюсь, что власть в Литве захватили люди с хуторским мировоззрением, готовые американскому помещику жопу лизать. В общем, мужик меня отпустил и сказал прийти в назначенное время к отделению милиции. Просил подумать над тем, чем я могу помочь Родине, искупить свою вину. Пришла точно в срок – я очень дисциплинированная.

Предложил сесть к нему в «жигули» и покататься. Я перепугалась, но села и поехала. В кафе заехали, там я совсем уже расслабилась. Выпили кофе, съели мороженое и пирожное. Нормально всё вроде бы. Тут он мне и говорит, что он из КГБ. Предлагает помогать, служить Родине. Потом поехали в КГБ, оформили бумаги. Через месяц мне довели приказ о том, что отныне я военнослужащий КГБ СССР, рядовой. Потом стала сержантом в системе Второго главного управления КГБ СССР – это внутренняя контрразведка, исключая Вооружённые силы. Потом, вместе с получением диплома, стала лейтенантом. А пока училась, продолжила заниматься фарцовкой. Их интересовали только иностранцы. Моя задача была выйти на иностранцев под видом покупки шмоток для дальнейшей спекуляции.

– И как? Получалось?

– Вышла на них! Причём быстро. Кстати, контора моя сразу же предоставила мне отдельную однокомнатную квартиру. Учили. Ходила с иностранцами по ресторанам. Но после ресторана – довёл до подъезда и до свидания. Начальники хотели играть на повышение ставок, а я не хотела быть проституткой. Интересы совпали. Не принуждали меня переходить эту линию, типа сама решай. Поэтому сначала деловые отношения с иностранцами развивались быстро и хорошо, а дальше шло плохо. В конечном итоге появилось определённое недовольство мною. После института решили меня использовать иначе: направить в этот НИИ. Он у воен-

ной контрразведки КГБ был очень проблемным. Назначили младшим научным сотрудником этого НИИ, в гражданский персонал Вооружённых сил. Но сначала направили на пять месяцев на Высшие курсы военной контрразведки КГБ СССР в Новосибирск с одновременным переводом в Третье главное управление КГБ. Я была в восторге от Новосибирска, от людей, которые там проживают, от интеллигенции и театров! Хотя после Питера меня удивить было трудно.

– Нормально готовили?

– Отлично. Всё по делу. Там же на базе высшего образования всё это обучение.

– С НИИ какой результат?

– Я помогла. Задачу выполнили, но шум не поднимали. Я так поняла, что они затеяли оперативную игру. После развала Союза поступили со мной нормально. Дали возможность самой решить, продолжать службу или нет. Я выбрала остаться на службе и помогать России. Уже осознанно, потому что считала и считаю, что ничего хорошего из развала Союза не выйдет и что моей любимой Литве ни с кем так хорошо не будет, как с Россией. Похоже, я не ошиблась, к сожалению. Какая там жизнь и за чей счёт, ты сам знаешь.

– Выходит, в КГБ по Литовской ССР на тебя были все данные?

– Нет, ты ничего не понял! В Клайпеду я вернулась лейтенантом военной контрразведки КГБ, теперь уже ФСБ. НИИ был военный, Военно-морского флота. Военная контрраз-

ведка к территориальным органам КГБ никогда никакого отношения не имела. Это же ваши военные особисты, которые централизованно замыкались на Третье главное управление КГБ СССР.

– Да, точно. Сообразил. Ну а как ты в СВР попала?

– Очень просто. Вышли на меня наши, объяснили, что в странах Прибалтики надо создавать агентурную сеть, ведь никогда и ничего здесь не было. Причём делать надо всё срочно. В территориальных органах КГБ массовое предательство и всё плохо. Полное обрушение. Полный крах! Меня хорошо попросили. Первое главное управление КГБ СССР, сокращенно ПГУ, уже было выделено в отдельное ведомство, но на тот момент больше формально. Я согласилась. Меня перевели в ПГУ, переименованное в СВР. Я так поняла, что тогда это было очень просто, несмотря на реформирования. Просто перевели из Третьего главного управления в Первое. Там поставили задачу: всеми путями устроиться на госслужбу. Но тут неожиданно на госслужбу устроились родители. К тому времени у меня с мамой после грандиозной, запредельно жёсткой войны наступил мир. Отец, наконец, был вынужден проснуться и занять мою сторону. Потом поговорили с отцом откровенно, и он решил помогать. А из Центра поступила задача: устраиваться, продвигаться, делать карьеру. Потом я поняла, что в Литве действительно делать нечего, и спросила разрешение искать работу в других странах. Мне ответили, что я свободна и их интересует

весь мир, то есть географически я вообще не ограничена. Я на самом деле хотела уехать в США, в этом плане я тебе не соврала. Обожаю эту страну. Ничего не буду делать во вред США, но помогать России буду: не считаю, что информация, которую я передаю нашим, вредит США. Напротив, это на пользу всей нашей планете. И вообще считаю большим благом, что закончился этот ублюдочный коммунизм, но очень сожалею о развале СССР. Какие же мы все дураки! Триста миллионов дураков! Особенно из России, Украины, Белоруссии и всей нашей с тобой Прибалтики. Какие же коммунисты дураки! Это надо было с таким грохотом обосрать всё и рухнуть мордой в говно! До сих пор диву даюсь. Какие всё-таки эти коммунисты оказались мразями! Ненавижу!

У меня был немного другой взгляд на то, что произошло с СССР. Вильте практически не сталкивалась с людьми из Средней Азии и Закавказья и многого не понимала. Для неё, как ни странно, СССР – это Россия, Украина, Белоруссия и Прибалтика. Типа остальные – это бесплатное приложение, которое она в упор не видела и не хотела видеть. Но спорить с ней я не хотел, просто уважал её патриотизм, пусть и с определённой ностальгией и своеобразным акцентом. В конечном счёте это такая форма российского патриотизма, именно российского, возможно, немного имперского. Не хочу её разубеждать. Для чокнутых в большинстве своём программистов она вполне разносторонняя.

– Брось ты. Я тоже был членом КПСС. Понимал, что без

этого никак. Не будет никакой командирской карьеры без членства в партии. Не более того. Мне вообще насрать было на весь этот военно-политический коммунистический ма-разм. Кстати, а почему ты не вступила в КПСС?

– В институте не сильно наседали, а на службе говорили, что сразу примут, как только проявлю себя в НИИ. Это типа очередная ступенька, поощрение у них такое было. Я тогда многого не понимала. Не успела вступить. Слава богу! Хоть тут совесть чиста оказалась, хоть и совершенно случайно.

Потом я подробно рассказал жене о том, как попал в ГРУ. Рассказ плавно перетёк к обсуждению нашего взаимодействия и разработке собственной системы сигналов и сообщений. Я верил Вильте, понимал, что она проделала огромную внутреннюю работу над собой, чтобы преодолеть себя, понимал, что это очень тяжело и сделано не только ради детей, но и ради меня.

Кроме того, в голове крутилась рекомендация психологов о том, что надо уметь прощать. О том, что иметь любовницу (любовника) – это неприемлемо, это предательство. Просто потрахаться – это не предательство вроде бы. В своё время меня это шокировало. Я не соглашался! Душа протестовала. Осмысливал, думал и в итоге... согласился. Принял такое объяснение, спасительное для меня и моих детишек.

Без каких-либо подробностей рассказал жене, что у меня есть своя небольшая сеть агентов и помощников. Уточнил, что стараюсь всех использовать втёмную. Узнал, что моя же-

на работает одна, без всякой помощи. Измучилась от страхов и сомнений. Теперь ей будет легче. А мне?

Вильте очень умная, но в целом вся эта ситуация для меня больше обуза. Я уже привык работать один, в полном окружении. И всё-таки был осадочек... Был.

Не нравилось мне её прошлое в КГБ. Всё понимал, но их я просто ненавидел, презирал. Давало о себе знать моё венгерское происшествие. Оно оставило на всю жизнь впечатление об их тупом, тупорылом, людоедском и примитивном мышлении. Быдлярское отношение к людям, террор офицеров и лояльное отношение ко всем видам воровства прапорщиков-тыловиков.

А ведь моя жена служила именно в армейской контрразведке, то есть в структуре тех самых особистов, которых я ненавижу всей своей душой, всей своей командирской в прошлом натурой и офицерским воспитанием. Хотя вроде бы Вильте делала правильное дело – ловила шпионов у нас в армии, в нашей бывшей стране. Вообще-то я это уважаю и думаю, что она этим политическим маразмом не занималась. Думаю, что это совершенно не её. Тем более в НИИ, на своей территории, особистам наверняка не давали особенно развернуться: ловите шпионов и не надо подсматривать, кто с кем целуется и что за столом говорит.

Глава 3

К моменту моего приезда полным ходом шла подготовка к выполнению контракта с мэрией об оснащении города видеонаблюдением в интересах департамента городской полиции. Нам предстоял огромный фронт работ.

Наконец, тендер объявили закрытым, мы в нём победили. Состоялось торжественное подписание контракта, с фуршетом.

Я был в самом центре всех дел. Упускать такую возможность было бы непростительно. Кроме того, Ричард открыто сообщил генеральному менеджеру, что я буду контролировать всё и везде, в полном объёме. На фоне этих грандиозных дел я отложил служебные вопросы: не было времени.

В один из дней Майк попросил меня приехать поговорить. Пошли в бар. Я ждал от него каких-то неприятностей, сложных разговоров. Между тем дело оказалось хоть и чрезвычайно для него секретным, но не опасным. Майк прямо и с нажимом попросил устроить своего сына в фирму моей жены. Тот через несколько месяцев заканчивал обучение.

Майк, конечно же, знал, что моя жена в этой фирме генеральный менеджер, кроме того, прекрасный специалист и на отличном счету у акционеров. Да и сама фирма в тот момент бурно развивалась, а её деловая репутация устойчиво росла.

Туда приходили работать перспективные люди, которые знали, что фирма обеспечена заказами от технологических гигантов на годы вперед.

Отказывать Майку нельзя. Но я взял время обдумать. Он отнёсся к этому с пониманием.

По приезде домой передал Вильте наш разговор с Майком и удивился тому, что она меня успокоила. Я знал, что моя жена нетерпима к устройству «по знакомству», как это было принято в СССР. Но она лишь недобро усмехнулась и сказала:

– Предупреди папашу, чтобы не сетовал потом. Этот мальчик будет у меня летать без всяких скидок и поблажек. Но или научу работать, или сам сбежит – и пусть не обижается. Пусть Майк даст ему мой личный телефон. Буду ждать звонка, договоримся об интервью.

Через пару недель сын Майка был трудоустроен. Теперь он мне должен, что очень хорошо. Самое главное, что Майк это отлично понимает, ему не надо напоминать существующую систему координат. Никуда он не денется.

Тем временем у меня по нарастающей развивался пока что скрытый конфликт с генеральным менеджером по имени Кейси.

На объектах наших работ я не был гостем. Я был в самой гуще. Инженеры и монтажники постоянно жаловались на то, что снабжение всегда запаздывает или в лучшем случае работает с колёс. Ежедневные вынужденные простои на

различных местах работ. Я полностью владел ситуацией.

Генеральный менеджер просила меня не торопиться докладывать о проблемах Ричарду. Она пыталась сама всё решить. Я не понимал, почему так выходило.

Собирал совещания с одними, с другими. Иной раз ругал уже в открытую. Не получалось наладить хорошую и системную работу. Но и Ричарду не докладывал. Однако ситуация складывалась такая, что за несвоевременный доклад мог пострадать и я. Также возникала угроза сорвать подписание промежуточных актов на приём работ и оборудования в одном из самых проблемных для полиции районов. Это был первый этап контракта.

Докладывать Ричарду не хотел, потому что опасался быстрой расправы над генеральным менеджером – увольнения. Ричард в бизнесе был очень агрессивен и нетерпим.

Но её увольнение – это не самое страшное. Я подозревал, что являюсь первым и самым главным кандидатом на её место, а я не хотел этого. Да, денег гораздо больше. Но вместе с тем я не сомневался в том, что не справлюсь. Почему? Дело в том, что я не знал и не понимал американское гражданское и предпринимательское право. Разумеется, уже знал, что оно у них особенное, не такое, как в России и в большинстве стран Европейского союза. Знал, что во многом оно основано на судебных прецедентах. В отличие от меня, наш генеральный если и не знала его (она не юрист, разумеется), то хотя бы понимала. Ориентировалась в нём как человек, выросший в

этой правовой системе и деловой среде. Я же ничего не понимал, поэтому осознавал, что моё командование фирмой – это неминуемый крах.

С другой стороны, Вильте как-то справляется. Как у неё это получается? Почему я боюсь стать генеральным менеджером? Ведь всё-таки кое-что я уже понимаю.

Фирма Вильте – это технологическая компания, но третьего уровня. Они просто подписывают государственные контракты или контракты с технологическими гигантами, больше с их подрядчиками. То есть или подписываешь то, что дают, или сидишь без контрактов. Юристы у Вильте просто проверяют, насколько контракт отличается от предыдущих или аналогичных, докладывают ей изменения, и она их оценивает.

Полностью она юристам не доверяет. Никто не знает, что Вильте взяла на должность своего помощника юриста, который скрытно от всех сравнивает документы и проверяет штатных юристов компании. Кроме самой Вильте, никто не знает, что эта девушка – юрист. Общехозяйственные договоры или договоры на закупку какой-нибудь мелочовки Вильте и сама иной раз проверяет. Но всё крупное она вынуждена подписывать без права что-то изменить.

У нас совсем другое дело. У нас очень рыночные отношения, реальный дикий бизнес, и смотреть надо в оба глаза. Я боялся увольнения генерального менеджера.

Это обстоятельство было самой главной причиной того,

почему я не хотел докладывать Ричарду о простоях. Была и ещё одна причина: я сильно затянул, поэтому претензии ко мне со стороны Ричарда неминуемы. Да и докладывать что-то без предварительной проработки вариантов решения проблемы – это прямая дорога на высококонкурентный рынок труда, что было хуже всего.

В один из дней я провёл четыре совещания, но так и не разобрался, что не работает и почему. Невероятно разозлился на себя, но твёрдо решил, что к утру разберусь. Любой ценой врублюсь во всё и разберусь, хотя и не знал, как это сделать.

Неожиданно получил подсказку от Люды.

– Виктор, кофе хочешь? – спросила она, зайдя в мой кабинет.

– Буду, неси. Мне тут всю ночь работать.

– Что-то случилось?

– Ничего особенного. Всё идёт к неминуемому срыву контракта с городом, а я не могу понять, в чём дело.

– Витя, ты обрати внимание на Сью.

Сью была главным руководителем, отвечающим за поставки оборудования, материалов и комплектующих.

– А что?

– Я не знаю точно, но как женщина вижу, что Сью метит на место генерального.

– Откуда ты это видишь? А ну-ка, расскажи поподробнее.

– Ты сам не замечал, что ли?

– Особо не обращал внимания.

– Она часто пишет Ричарду, жалуется на генерального.

Мне сам Ричард об этом как-то сказал. А ещё я подметила, что она тщательно собирает на генерального менеджера весь негатив. Она очень общительная, со всеми разговаривает, всё обсуждает – явно рисуется и делает вид открытой для общения. А у самой глазки бегают. Я вижу её насквозь. Злая сука.

– Что ещё замечала?

– Эта Сью и на тебя что-то собирает. Часто спрашивает, на месте ли ты и куда уехал. Всем видом показывает окружающим, что тебя редко можно застать в кабинете.

Я почувствовал угрозу. Решение созрело быстро.

Распорядился вызвать ко мне Сью со всеми контрактами, по которым произошёл срыв поставок. Она пришла с большой стопкой бумаг. Я взял первый лежащий сверху контракт. Поверхностно изучил его.

– Сью, почему конкретно по этому контракту произошёл срыв поставки?

– Дилер ненадёжный оказался.

– Условия этого контракта наши? Это типовые условия?

– Условия наши, типовые. Но дилер всё равно ничего не может сделать.

– Сью, в чём причина сложившейся ситуации? Меня интересует твой личный анализ. За поставку отвечаешь именно ты.

– Это не моя вина!

– Сью, это не тебе решать. Я задал вопрос об анализе.

– Моей вины нет никакой. Я исполняю приказ генерального. Этим приказом мне предписано отбирать поставщиков только одним способом. Мне запрещено менять условия контракта и торговаться по срокам поставки – это всё зафиксировано. То есть поставщики должны быть изначально согласны на все наши условия и имеют право только предложить свои цены. Я эти цены собираю и потом направляю всем поставщикам письмо, где указываю минимальную цену, чтобы они могли ещё раз предложить свою. Потом это всё собираю и заключаю контракт с тем, кто предложил самую маленькую цену. Таким образом, образуется максимальная эффективность. Повторюсь, что это требование, установленное в приказе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.